

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.28

В.Ю. ТИТОВ

УДК 06

ББК 71 85.1

**ПРИМЕРЫ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ» В СИСТЕМЕ
МАРГИНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ УСТАНОВОК
В СССР (НА ПРИМЕРЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В
СИБИРСКИХ РЕГИОНАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.)**

Во второй половине XX века, среди партийного руководства страны возобладали точка зрения о том, что все разногласия происходят от искривления линии партии в сфере социально-бытового и коммунального обслуживания. Однобокость такого подхода увеличивало в общественном мнении ничем не обоснованную популярность инакомыслия, которое часто носило маргинальный и неосознанный характер.

Ключевые слова: протест, социальная конфронтация, дефицит.

**EXAMPLES OF LEGAL TRADITIONS AND
“POLITICAL FAIRY TALES” IN THE SYSTEM OF
MARGINAL SOCIAL ATTITUDES IN THE USSR,
ON THE EXAMPLE OF PROTEST MOODS
IN THE SIBERIAN REGIONS (THE SECOND HALF XX)**

Since the second half of the twentieth century, a single point of view has prevailed among the party leadership of the country that all disagreements arise from the distortion of the party line in the field of social and communal services. It was a trick of “cheap popularity: if you are a Soviet person, you obey the majority: the one-sidedness of this approach increased the unjustified popularity of dissent in public opinion.

Keywords: protest, social confrontation, scarcity.

Примеры правовых традиций в представлениях редакторов региональных газет и секретарей обкомов.

Со второй половины XX века, среди партийного руководства страны возобладали единая точка зрения о том, что все разногласия происходят от искривления линии партии в сфере социально-бытового и коммунального обслуживания. Это была уловка «дешевой популярности: если ты советский человек, ты подчиняешься большинству (например, выражение секретаря Иркутской писательской организации в 1967 г.)» рассчитанная на восприятие широкими общественными слоями всех проблем, как временных трудностей, возникавших в связи с отдельными перегибами на местах. Необходимо понимать, что односторонность такого подхода увеличивало в общественном мнении ничем не обоснованную популярность инакомыслия. Пример такой популярности иногда обывался массами в противоположную сторону. Например, во время выборов в поселковые Советы депутатов трудящихся в Иркутской области, «многие писали на оборотах бюллетеней одновременно патриотические и антиобщественные воззвания». По мнению Иркутского обкома, люди, через патриотизм, хотели выразить протест против жесткости проводимой политики партии [1, ф. 127, оп. 100, д. 11, л. 5].

Причина советской социальной конфронтации второй половины XX века достаточно хорошо отражалась в протоколах трудовых собраний крупных промышленных предприятий (например, в городе Красноярске): люди делали больше замечаний на не соответствие между тем, о чем говорят и то, что происходит на самом деле. Здесь, ведущая роль в вопросах социальной критики принадлежала редакциям местных газет, которые освещали такие собрания. Больше всего доставалось пропагандистской работе, которая, по мнению рабочих и служащих предприя-

тий, страдала отсутствием творческого осмысления действительности. Живого разговора пропагандистов с трудящимися не получалось, потому что сами лекторы и те, кто их нанимал на работу не осознавали до конца развития изменений в обществе. В основном речь шла об узких бытовых вопросах или международных скандалах, которые затрагивались в рамках лекций общества «Знание», но нерегулярно [2, ф. 17, оп. 48, д. 75, л. 284].

В Приморском крае, как на всем Дальнем Востоке, кроме упомянутых партийных конференций, немаловажным считалась позиция института уполномоченных представителей при Совмине СССР и партийно-государственного контроля. В рамках работы этих государственных структур разбирались многие социально-острые ситуации. Но, возгласы недовольных граждан государственной политикой, чаще всего воспринимались низовыми оргбюро и советами Дальнего Востока, как «ослаблением методов борьбы с нездоровыми элементами», например, с верующими, лицами, живущими на нетрудовые доходы и требованием «причесать всех под одну гребенку».

Местные секретари обкомов и горкомов партии, смотрели на такие проявления советского патриотизма, как на вполне нормальное явление и не требовали от своих подчиненных полного подавления религиозных или иных оппозиционных настроений во взглядах людей, полагая, что время само расставит акценты [3, ф. 5598, оп. 1, д. 17, л. 28].

Острым моментом в вопросе адаптации мнений между партийными «верхами» и общественными «низами», принято считать «пражскую весну» в 1968 г., развеявшей надежды на построение социализма с человеческим лицом. Разобщенность во мнениях в «чехословацком вопросе» объявлялась главнейшим врагом единого государства [там же, л. 56-64]. Ради абстрактного единства многие из рядовых граждан были готовы поступиться некоторыми принципами и «простить» советскому руководству ряд отступлений от ленинских заветов и нормам международного права.

Такая модель развития внутривнутриполитической жизни вытекала из очевидных фактов: маргинальность общественного социалистического правосознания;

Формирование подобного обстоятельства складывались из двух объективных оснований, унаследованных от эпохи «культы личности» И.В. Сталина:

- 1) незавершенности индустриализации, что сказалось на специфике социальной структуры и отсутствия активности советского общества, преобладания бюрократизма;

- 2) отсутствие конкретного идеологического осмысления советского общественного строя, поскольку на любые дискуссии идеологического характера распространялся запрет.

Эти два обстоятельства способствовали, росту, в общественном мнении социальной апатии и это не скрывалось в официальных заявлениях правительства.

Социальная апатия проявлялась в том, что в управлении на местах большую роль играло командование и администрирование отдельных руководителей. Их субъективизм в стиле руководства предприятиями и колхозами приводил к необоснованным, с точки зрения экономики, решением производственных вопросов, а это понижало социальную активность трудовых коллективов. Именно поэтому на Пленумах ЦК КПСС в 1964–1965 гг. было решено больше внимания уделять повышению роли первичных партийных организаций, особенно в колхозах и совхозах, профсоюзов и комсомола в деревнях [3, ф. 5598, оп. 1, д. 17, л. 56-64].

Тезис о маргинальности советского правосознания у широких общественных масс достаточно полно раскрыт в записных блокнотах такого крупного общественного деятеля СССР – Е.К. Лигачева, в тот период времени Первого секретаря Томского обкома КПСС. По мере развития послевоенного социализма «в общественном мнении появляется строй мыслей чуждых социализму», а степень конфликтности возрастает из года в год по причине неспособности людей «воспринимать характер правовых взаимоотношений» [там же, д. 13, л. 98]. Вместо этого, они жалуются «на расхитителей общественного добра», рассуждая о начальстве «не исключают фраз о духе наживы и стяжательстве», а, в итоге, не происходит «развития личности» [там же, л. 133].

Процесс напряженного поиска путей реформирования общественных отношений и развития государства со стороны управленческого аппарата, наталкивался на явную социальную апатию народных масс, порой не замечающих начинаний руководителей на местах. Это может быть объяснено следующими обстоятельствами: 1) наличием исторической памяти о легендарных вождях – руководителях (Ленин – Сталин), затмивших в общественном мнении СССР всех остальных руководителей; 2) неподлежащая сомнению, с точки зрения бытового правосознания, отставание советской экономики от “запада”; 3) отсутствие какой-либо самостоятельности на всех уровнях и во всех сферах общественной деятельности.

Егор Кузьмич Лигачев – долгое время возглавлял Томскую область, был первым секретарем Томского обкома партии, а затем, в годы Перестройки Горбачева, стал Председателем Президиума Верховного Совета СССР. В 1972–1973 гг., ведя конспект записей на различных партийных семинарах, он исписал 9 блокнотов с замечаниями избирателей по социально-острым вопросам [там же, д. 46]. Через год, подводя итоги этим замечаниям, при работе над статьей «Партийные комитеты и марксистско-ленинская подготовка руководящих кадров», Е.К. Лигачев записал:

«наша задача дать результат, на который рассчитывает народ» [там же, д. 77, л. 68], а для того, чтобы построить социализм народ должен уметь «предъявлять более высокие требования» [там же, л. 69], не бояться проявлять инициативу [там же, л. 70-74].

В своих записях с 1972 по 1976 г. Е.К. Лигачев еще раз подчеркнул, что общество не ощущает заметных результатов от проводимых мероприятий. По его мнению, это было связано с несовершенством системы управления, которую Советское правительство пыталось модифицировать с 1972 г. [там же, д. 88, л. 18] и натолкнулось на слабость этико-правового понимания реформ в обществе.

Так, в черновом наброске к статье «Развитие инициативы (о ленинском стиле работы)», Е.К. Лигачев в преамбуле своих размышлений указал на опасность, которая, по его мнению, на протяжении последней пятилетки подрывала инициативу в управлении и вводила население в заблуждение о перспективах экономического роста в стране: «северные районы – открыты нефть и газ – растет население», что вызвало необходимость решать одновременно много потребностей ..., «нужна инициатива масс, что позволит избежать субъективизма» [3, ф. 5598, оп. 1, д. 79, л. 1]. Именно этого, не доставало советской общественности, что и привело к маргинальному восприятию понятия «права». Управленческий аппарат, лишенный в силу сложившихся традиций командно-административной системы, мобильности в притоке новых кадров, допускал «субъективизм» в принятии решений. Диалога с обществом не получалось и руководители партии надеялись, что допускаемые ошибки, по причине «субъективизма» им удастся компенсировать за счет привлечения к управлению «инициативы молодежи». Но, молодежь, в целом одобряя курс правительства, стремилась в те сферы деятельности, которые лежали на поверхности советской действительности: север, нефть, газ – романтика и более высокий, чем у «остальных», материальный достаток [там же, л. 1-5].

Второе проявление маргинальности в среде лиц старшего поколения, прошедших войну, скрывалось в привычки, что всякая инициатива наказуема. Такое заключение было сделано на заседаниях по итогам выборов в местные советы в конце 1960-х гг. Отдельные депутаты – коммунисты были подвергнуты критике «за то, что не проявляют необходимой активности в работе», по решению индивидуальных запросов о предоставлении жилья, ремонте больниц, строительстве магазинов. Люди писали письма с возмущением, о депутатах старшего возраста – ветеранов войны, которые полагали, что без таких элементарных бытовых условий, можно вполне благополучно жить. В то же самое время, проблемы, возникавшие у ветеранов войны и труда, всегда находили отклик «и удовлетворяются всегда» в среде депутатского корпуса мест-

ных советов. Это обстоятельство вызвало больше всего неудовлетворения у остальной части населения [1, ф. 127, оп. 100, д. 18, л. 5]. Порой, возмущение вызванное обстоятельствами не адекватного управления в той или иной сфере деятельности, при обсуждении и разборах на так называемых ответственных заседаниях, заменялись нападками на личность конкретного руководителя. В то самое время, когда между поставленной социальной проблемой и личными качествами руководителя не было никакой связи. Например, критика работы депутатов, о чём речь шла выше, была объяснена, как справедливая «инициатива бдительных граждан», которые поставили на вид невыполнение депутатских обязанностей и аморальный поступок, например, депутата от Качугского района Иркутской области [там же, л. 7].

Не смотря на желание руководителей области списать возмущения граждан на конкретный, единичный случай, было зафиксировано, что примерно 10 % населения области возмущены и не стесняются высказывать свои протесты по нерешенности тех или иных коммунально-бытовых проблем общежития, вопросов продуктового снабжения, обеспечения жильем и услугами бытового обслуживания [там же, л. 9].

«Политические слухи» – сказка, как замещение право местного обычая во второй половине XX века.

Противоречия между декларированным и реальным положением вещей сформировали в обществе ряд мировоззренческих установок, вступавших в конфронтацию с идеологией официальной пропаганды. В силу отсутствия политического плюрализма, эта тенденция усилила роль в общественном мнении, такого явления, как «политическая сказка».

Если до октябрьского Пленума ЦК КПСС в 1964 г. вопросы марксистско-ленинской теории соотносились с проблемами быта советских граждан [3, д. 2, л. 156], то позже массовая пропагандистская – агитационная работа вообще никак не «увязывалась с жизнью». Так, по замечаниям, высказанным в Проекте Постановления ЦК КПСС по вопросам пропаганды и агитации в 1965 г., порой, на местах, теоретическое обоснование социализма, противоречило интересам населения. Часто, в колхозах и на предприятиях «допускались массовые приукрашивания» в угоду отчета перед вышестоящей инстанцией. Происходило формирование местной «политической сказки», которую, затем, оформляли, как решение трудового коллектива.

Противоречия между декларированным и реальным положением вещей сформировали в обществе ряд мировоззренческих установок, вступавших в конфронтацию с идеологией официальной пропаганды (например, материал такого характера зафиксирован в фондах, связанных с работой первого секретаря Иркутского обкома партии

– Н.В. Банникова, в ГАНИИО). Перечислим эти установки, ставшие причинами сочинительства «политических сказок»:

Установка 1. Не умение критически осмысливать происходящее. В этой точке зрения, по мнению первого секретаря Иркутского обкома партии Николая Васильевича Банникова (одного из знаменитых строителей каскада гидроэлектростанций в Восточной Сибири), скрывалась всем известная и всеми замалчиваемая проблема – деловых качеств в обществе, в котором человек получал не по способностям, а по возможностям.

На эту тему, неоднократно полемизировали партийные руководители местных писательских организаций. Например, в Иркутске, проводились так называемые «литературные столы», на которых высказывались, в дискуссионной форме, разные, с точки зрения советской идеологии, оппозиционные, мнения.

На период с конца 1960-х – по первую половину 1970-х гг. одной из актуальных тем было обсуждение социального типа «тяжелого человека». Вопрос в постановке партийного руководства писателей звучал так: «стоит ли такого человека, убивать, который всем надоел, а может убить основу, которая позволяет паразитировать» [1, ф. 2862, оп. 1, д. 257. 1973, л. 15]. В частности, это говорилось о книге Николаева «Большой Дрозд». Молодой одаренный ученый – в 32 года докторская диссертация, выгоняет женщину из лаборатории. Человеческие отношения выхолащиваются, приходит к власти инженерия управленцев. Писатель, в своем произведении поставил два вопроса:

1) имеет ли право успешный, прагматичный человек попирать другого человека, не обладающего никакими деловыми качествами?

2) можно ли паразитировать в обществе, если человек не способен к результативному труду на благо общества и государства?

То, что подобные вопросы не случайны, а касались проблемы, которую нельзя замалчивать, а необходимо конструктивно взаимодействовать между партийными и беспартийными, вызвало в общественном мнении неподдельный интерес и приводило к додумыванию различных историй, о чем говорилось на мартовском Пленуме ЦК КПСС, в 1965 г. [4].

Установка 2. Не желание ходить на выборы депутатов советов разных уровней. Особенно остро эта проблема давала о себе знать в среде молодежи, где на протяжении десятилетий, явка лиц до 30 лет не превышала 11,5 %. В этой связи в обществе распространялись истории о вседозволенности партийного аппарата и невозможности с этим что-то сделать, поэтому необходимо под этот партийный аппарат подстраиваться.

Установка 3. Обоюдное примиренчество в вопросах трудовой дисциплины. Стагнация в кадровой политике и отсутствие реальных рычагов для роста показателей в экономике, считались неразрывным целым народного хозяйства Сибири. Об это в самом начале 1970-х гг. начал

говорить Первый секретарь Иркутского обкома партии Н.В. Банников [1, ф. 127, оп. 89, д. 41, л. 9]. По его мнению, кадровый голод в области привел к пагубному последствию – “двойного попустительства”, когда коллектив соглашался с отсутствием результатов в работе руководителя, а руководитель закрывал глаза на низкую трудовую и производственную дисциплину, прогулы (например, за первое полугодие 1971 г. только на фабриках, где проводились проверки, было зафиксировано 25 747 прогулов), не выполнение планов, перерасход средств и выпуск некачественной продукции. Естественно, при проявлении проверяющих органов, которые пытались изменить сложившееся положение вещей, коллективы высказывали недовольства и с симпатией начинали вспоминать “прежние времена”.

Именно в таком ракурсе нужно рассматривать постановление ЦК КПСС от 18 марта 1968 г. и итоги местного обсуждения «Об усилении работы партийных организаций по обеспечению сохранности социалистической собственности, искоренению растрат и хищений». По замыслу центрального советского руководства, документ должен был стать завершающим актом в деле преодоления социальных разногласий в обществе и рычагом давления на тех, кто подвергал сомнению внутреннюю политику правительства. На многих партийных заседаниях тех лет объявлялось, что не уважение к советским законам и правилам социалистической сознательности начинаются с привычки не замечать хищения социалистической собственности. Данный термин расшифровывался достаточно широко. На ряду с откровенным воровством, к данному виду преступлений приравнивались: низкая трудовая и производственная дисциплина, прогулы не выполнение планов, перерасход средств и выпуск некачественной продукции [там же, л. 9].

Установка 4. Обостренное симпатия общественного мнения к фактам вызывающим ажиотаж вокруг неприглядных сторон жизни советского общества: аморальное поведение, пьянство, нарушение трудовой дисциплины, и другое привели местные партийные и общественные организации к привычке запрещать не только обсуждение подобных конкретных случаев, но и малейшие попытки проявления самостоятельности, отхода от заранее предначертанных эталонов поведения. Например, иркутский союз писателей подверг резкой критики книги писателя Евгения Раппопорта «Лет молодых наших порохов» и Павла Забелина «Литературный разъезд», за попытку критики несовершенств социалистической системы. При обсуждении этих книг, сторонники партийного официоза, даже не постеснялись бросить такую фразу: «каждая книга должна бороться с плохим, но не нагнетать ажиотажа по поводу неправдоподобных слухов, циркулирующих в общественном мнении» [там же, ф. 2862, оп. 1, д. 288. 1975 г., л. 3, 16].

Эту сложную ситуацию можно охарактеризовать как двусмысленную недосказанность, когда все всё понимают, но не договаривают. Именно дискомфорт от недосказанности, формировавшее в общественном мнении стереотип «слов правды», возможность проговаривания которых воспринималось обществом, как путь к переменам. Не возможность высказать «слова правды» формировавшее стереотип противопоставления массового «мы» элитарной партийно-номенклатурной прослойки.

В итоге следует заявить, что первое проявление маргинальности советского правосознания заключалось в формальном одобрении политики правительства и партии, при полном безразличии со стороны масс к содержанию официальных нормативно-правовых документов, с одной стороны и, широким интересом к полу запрещенным, а порой нелегальным явлениям политической жизни. Наиболее отчетливо это обнаруживалось при разборе работ месткомов и парткомов на предприятиях и в учреждениях. По замечаниям работников отдела пропаганды и агитации, меньше всего трудовые коллективы интересовались вопросами политического и культурного плана, а больше вопросам повышения материального благосостояния. С точки инструкторов КПСС на местах, «невнимание к подобным недостаткам могло привести к отрицательным явлениям у отдельной части, политически незрелых людей, развить потребительские настроения», что констатировалось в 1971 г. по итогам проверки многими горкома и обкома партии в Сибири [1, ф. 127, оп. 89, д. 79, л. 13].

Выполняя решения Пленумов ЦК КПСС, местные крайкомы и обкомы, утверждали график проведения партийных конференций в первичных организациях. В рамках этой процедуры на местах выявляли наиболее острые социально-экономические вопросы, актуальные для населения конкретных деревень и городов. На втором уровне, который не всегда и везде был постоянно-действующим, спорные с идеологической и экономической точек зрения вопросы государственного обустройства, обсуждались на специальных Оргбюро городских и районных партийных конференциях. Обсуждение проходило в рамках поиска путей решения конкретных хозяйственных и социальных задач, оживлявших среди людей мотивировки не всегда легитимных разговоров. Часто такие разговоры заканчивались только постановкой проблемы или банальным «выпуском пара» по вопросам, вызывавшим особую озлобленность и скепсис людей в адрес конкретных руководителей.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
2. Красноярский краевой партийный архив. – Ф. 17. – Оп. 48. – Д. 75. – Л. 284
3. Государственный архив Томской области. – Ф. 5598. – Оп. 1.

4. Брежнев Л.И. О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР : Доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 марта 1965 г. : Постановление Пленума ЦК КПСС, принятое 25 марта 1965 года. – Москва : Политиздат, 1965. – 47 с.

Информация об авторе

Титов Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель, МБОУ гимназия № 25 г. Иркутска, e-mail: titov.v@yandex.ru

Author

Vladimir Yu. Titov – PhD, Associate Professor, Irkutsk-75, a / z-11, e-mail: titov.v@yandex.ru